

УДК 94(47).083:351.746.1

А. В. Перегудов

Эволюция представлений о мундире среди чинов Отдельного корпуса жандармов

В статье проанализированы представления служащих российской политической полиции о форменной одежде. Отношение жандармов к мундиру как атрибуту офицерской чести было перенесено ими из армейской среды. Определены исторические факторы, повлиявшие на эволюцию этих представлений. Развитие революционного движения в конце XIX — начале XX в. привело к созданию новой розыскной системы, в которой большинству жандармов предстояло играть другие роли, превратившись из чиновников по наблюдению за населением в мастеров розыскного дела. В целях сохранения собственной жизни, а также агентуры от провала жандармы все чаще предпочитали использовать в своей деятельности гражданское платье.

Ключевые слова: жандарм, мундир, революция, террор, Российская империя.

По форменной одежде в Российской империи с легкостью можно было идентифицировать принадлежность ее владельца к тому или иному ведомству. Голубой мундир, известный всем нам еще со школьной скамьи благодаря М. Ю. Лермонтову [15, с. 183], был ярким атрибутом и своеобразным воплощением образа жандарма¹. Многих стремившихся на службу в политическую полицию подкупал красочный внешний вид жандармской парадной формы, выгодно отличавшейся от другой военной формы. Некоторые исследователи отмечают, что уже во времена Александра I, когда были созданы жандармские команды внутренней стражи, лазоревый жандармский мундир стал заветной и зачастую несбыточной мечтой многих молодых кавалерийских офицеров [1].

Своим голубым цветом жандармский мундир обязан лично начальнику III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии генералу А. Х. Бенкендорфу. В дальнейшем цвет мундира изменится в пользу более практичного — синего.

В России исторически сложилось повышенное внимание к Корпусу жандармов со стороны императорской власти. Николай I, например, знакомый со многими военными и гражданскими чиновниками в стране, играл активную роль на стадии формирования жандармского ведомства, участвуя лично в комплектовании Корпуса, его передислокации, а также системе наград и поощрений его служащих [16].

За 90 лет существования в России политической полиции жандармский мундир уважали и побаивались обыватели, перед ним преклонялись и заискивали чиновники, его ненавидели революционеры. Кому-то он внушал страх, а для кого-то был защитой. Красотой мундира неподдельно восторгались новоиспеченные жандармские офицеры, переживая гамму эмоций по случаю облачения в новую форму. Однако нередкими были суждения иного толка. В. Г. Короленко в автобиографической «Истории моего современника» вспоминал случай, имевший место с неким артиллерийским офицером Франком, решившим стать жандармом. Военная молодежь отнеслась к этому с нескрываемым негодованием. Многие офицеры перестали подавать Франку руку, старшины морского клуба, в который принимались в том числе и артиллеристы, попросили его выйти из состава членов. А начальник артиллерии Петербургского военного округа, не скрывая своего раздражения, вызвал его к себе сознательно — с тем, чтобы посмотреть на офицера,

¹ Перед очередным отъездом на Кавказ в 1841 г. молодой русский поэт напишет восемь стихотворных строк, выразивших в острой политической форме его отношение к самодержавно-полицейскому строю России и ставших впоследствии хрестоматийно известными.

© Перегудов А. В., 2017

решившего променять честный артиллерийский мундир на мундир шпиона [12, с. 503]. Подобная оценка, страдающая в известной степени тенденциозностью, исходила, на языке официального делопроизводства того времени, от людей в политическом отношении неблагонадежных, к числу которых принадлежал В. Г. Короленко, поэтому преувеличивать ее не стоит.

Задача настоящей статьи — реконструкция опыта осмысления российскими жандармами своего общественного положения через призму отношений к форменной одежде. Исследование основано преимущественно на двух видах источников: архивных и мемуарных, дополненных примерами из беллетристики.

В советские годы историческая наука царскую политическую полицию не жаловала ни вниманием, ни оценками, лишь одаривая ее представителей хлесткими эпитетами и обвиняя едва ли не поголовно в использовании провокационных приемов работы [27; 29]. В течение длительного времени история жандармерии находилась на обочине исследовательского интереса. В современной российской историографии, напротив, изучение института политической полиции и его структур в дореволюционный период занимает прочное место [20; 23—24]. Изменение исторической парадигмы в целом, а также открытость федеральных и региональных архивохранилищ позволили, во-первых, по-новому взглянуть на привычные явления и пересмотреть устаревшие оценки, а во-вторых, ввести в научный оборот оригинальные сюжеты, связанные с темой повседневности, никогда ранее не становившиеся предметом отдельного изучения [14; 22].

Ношение служащими российской жандармерии форменного платья регламентировалось на законодательном уровне, так как Отдельный корпус жандармов (ОКЖ), офицерский и рядовой состав которого комплектовался исключительно выходцами из армейской среды, представлял собой военизированное подразделение. Согласно статье 852 книги VII Свода военных постановлений 1869 г. (2-е издание) по продолжению 1911 г., все военные чины, как на службе, так и за ее пределами, обязаны были *всегда* (курсив мой. — А. П.) носить установленную форму одежды [8, л. 8]. По этой причине несоблюдение данного правила вызывало множество нареканий со стороны непосредственного руководства.

Жандармский мундир во многом определял психологию и социальный статус человека. Жандарма не следует излишне ни демонизировать, ни идеализировать. В целом это были обыкновенные люди со свойственными им слабостями и пороками, семейными драмами и трагедиями. Однако их принадлежность к институту политической полиции накладывала особые моральные обязательства и вырабатывала модель дисциплинарного поведения. По поступку одного члена корпорации судили о всей корпорации в целом. Тем более, что российское прогрессивное общество второй половины XIX — начала XX в., брезгливо относившееся вообще ко всем видам полиции, рассматривало действия жандармов буквально под микроскопом. Составитель брошюры, посвященной первому в истории жандармскому параду 6 декабря 1901 г. (в честь учреждения профессионального праздника), подполковник Владимир Деболи заканчивал свое сочинение призывом к нижним чинам беречь доброе имя и честь мундира: «Каждый служебный поступок, каждый шаг вашей частной и даже семейной жизни немедля делается достоянием общества, среди которого вы живете; каждая ваша ошибка, всякая бестактность и неловкость подвергаются пересудам и нареканиям; во всем вы должны быть очень осмотрительны и осторожны и сознавать, что по поступкам и жизни каждого из вас в отдельности общество составляет мнение о всех нас!» [21]. По статистике, в канун Первой мировой войны из 12 тыс. служащих Корпуса жандармов 11 тыс. приходилось на долю именно нижних чинов — как следствие, призыв был адресован широкой целевой аудитории.

Образ жандарма, встречавшего и провожавшего поезда, так и вовсе стал неотъемлемой частью железнодорожной инфраструктуры и переживаемых публикой на станциях и полустанках разнообразных чувств. «Жандарма потерянная форма, / Носильщики, слезы. Свисток — / И тронулась плавно платформа; / Пропел в отдаленье рожок», — напишет один из поэтов Серебряного века [2, с. 138].

В XIX в. факты «перемены» мундира чинами Корпуса жандармов случались лишь отчасти и были вызваны исключительными мерами. Впервые высшее жандармское руководство обратилось к этой теме в начале 1870-х гг. Шеф жандармов генерал П. И. Шувалов циркуляром от 16 февраля 1872 г. признал возможным ношение гражданского платья лишь в случае крайней необходимости. Поводом для издания распоряжения послужил случай переодевания унтер-офицера, командированного в ноябре 1871 г. к судебному следователю для розыска преступников, в торговца мелочным товаром, что обуславливалось характером сельской местности. Случившееся было признано руководством «несовместным с присвоенным жандармам значением», которое увидело в этом лишь обряд «костюмирования», а не реальную пользу для дела [8, л. 4—4 об.].

На протяжении последующих нескольких десятилетий из-за неразвитости революционного движения к этому вопросу практически не возвращались. Как известно из справки (доклада) по штабу Отдельного корпуса жандармов, борьба с отдельными революционерами и незначительными тайными кружками более или менее успешно велась «без применения особых розыскных приемов» [8, л. 1]. Именно в этой пассивной выжидательности и архаичности действий, пожалуй, и заключались главные изъяны политической полиции того времени, допустившей многочисленные покушения на императора и в конце концов его убийство 1 марта 1881 г.

Ситуация резко изменилась в конце XIX — начале XX столетия в связи со значительным ростом революционного движения, охватившего целые массы населения и принявшего характер организованного движения. Это заставило политическую полицию коренным образом изменить тактику действий: отныне ставка делалась на развитие агентуры, которая в перспективе должна была помочь изнутри парализовать действия политических врагов самодержавия и в конечном итоге нанести им поражение. Создание новой розыскной системы в начале XX в. сопровождалось учреждением разветвленной сети охранных отделений. Наряду с этим агентура по степени важности выходила на первый план работы в губернских жандармских управлениях и жандармско-полицейских управлениях железных дорог по всей стране. Все это в совокупности подразумевало эволюцию большинства служащих жандармерии из чиновников по наблюдению за населением в мастеров розыскного дела.

Одновременно с реорганизацией системы политического розыска возросли заботы о сохранении агентуры, так как ряд нанесенных революционерам поражений вызвал в их среде усиленное стремление к ее разоблачению. По этой причине Департамент полиции МВД, направлявший и курировавший всю работу по сыску в Империи, опасаясь провала секретных сотрудников, настоятельно рекомендовал и даже требовал от жандармов соблюдать необходимые правила конспирации: не назначать агентам свиданий в здании управлений и не встречаться с ними в форменном платье. Унтер-офицерам, осуществлявшим филерские обязанности, в том числе по линиям железных дорог, также запрещалось надевать мундир.

Вообще облачение в гражданское платье приносило свой результат, обеспечивая жандарму при правильном подходе более широкие возможности для розыскной деятельности. Так, в 1909 г. помощник начальника Пермского губернского жандармского управления (ГЖУ) при поездках по железной дороге переодевался в штатскую одежду,

брал билет в вагон третьего класса и вызывал на откровенность пассажиров различных социальных слоев, в том числе нижних воинских чинов. Таким образом ему удалось выяснить, что в Челябинске имеется развитая эсеровская организация, которая ведет активную работу среди военнослужащих, успешно внедряет в сознание солдат идеи всеобщего вооруженного восстания для свержения существующего государственного строя и установления республики [20, с. 137].

Ближайшие коллеги жандармов — служащие сыскной полиции — могли вовсе не надевать форменной одежды. Более того, в начале XX в. сыщикам фактически рекомендовали носить штатский костюм при выполнении своих служебных обязанностей, а форму надевать лишь «при явке начальству» [26, с. 142]. Отметим, что в воспоминаниях о своей деятельности такие мэтры сыскной полиции, как И. Д. Путилин и А. Ф. Кошко, неоднократно указывали на переодевание, позволявшее им перевоплощаться в представителей разных сословий, как на эффективнейший метод розыска.

С 1909 г. на страницах еженедельного ведомственного журнала «Вестник полиции» стал подниматься вопрос о целесообразности (в интересах службы) облачения в гражданское платье служащих общей полиции.

Иногда, следует признать, случались перегибы, когда жандармские служащие в целях успешного ведения розыска облачались не просто в партикулярное платье, а в не присвоенную им форму, например, околоточного надзирателя. Мотивировалось это, как правило, отсутствием должного содействия со стороны гражданской полиции [8, л. 6]. Несмотря на отчасти резонные доводы, руководством такие действия, естественно, не поощрялись, так как налицо было нарушение закона.

Среди преступников весьма распространенным явлением было использование офицерской формы вообще и жандармского платья в частности, необходимого им для осуществления своих замыслов, например для освобождения товарища из тюремного замка. Под «прикрытием мундира» совершались громкие теракты в начале XX века. К примеру, эсеры-максималисты, взорвавшие в августе 1906 г. дачу премьера П. А. Столыпина, использовали для проникновения на Аптекарский остров жандармский офицерский мундир. И лишь внимательность швейцара и адъютанта премьера, разоблачивших по внешнему виду лжежандармов (только накануне жандармская форма была изменена, поэтому на головах преступников помещались каски старого образца) и преградивших им путь, позволила спасти жизнь П. А. Столыпина [28, с. 207—208].

В истории Российской империи достоверно известны факты жандармов-самозванцев. Начальник московской сыскной полиции А. Ф. Кошко в одном из своих мемуарных очерков описал подобный случай. В московском трактире «Вена» владелец кирпичного завода Иван Бородин среди бела дня, без всяких на то оснований, был арестован людьми, облаченными в жандармскую форму, и препровожден в здание псевдоохранного отделения. Мошенники учинили не на шутку напуганному местному богатею обыск, в результате которого изъяли пять тысяч рублей, и под угрозой скорой (в 24 часа) высылки в Нарымский край «доить тюленей» приказали через два дня принести в управление еще пять тысяч, якобы на благотворительное дело. Факт шантажа стал известен сыщикам, благодаря вмешательству которых удалось спасти капитал купца и наказать самозванцев [13, с. 136—145].

В годы революционных кризисов в России жандармы, как агенты правительства, невольно выступили мишенями для террористов. Во время Первой русской революции должность жандарма в буквальном смысле стала расстрельной. Случаи убийств жандармов были известны и ранее, в так называемую первую волну революционного террора. Например, в мае 1878 г. в Киеве произошло убийство адъютанта Киевского ГЖУ

штабс-офицера барона Г. Э. Гейкинга бывшим студентом-медиком Г. Попко, в августе этого же года народник С. Степняк-Кравчинский заколол в центре столицы среди бела дня шефа жандармов Н. В. Мезенцова. Оба преступления носили резонансный характер, на что указывает хотя бы тот факт, что в качестве орудия преступления использовался кинжал. По мнению жандармского генерала В. Д. Новицкого, приведенному им в мемуарах, Мезенцов явно недооценивал угрозы, высказываясь в таком духе: «Власть шефа жандармов так еще велика, что особа шефа недосыгаема, обаяние к жандармской власти так еще сильно, что эти [преступные] намерения следует отнести к области фантазий и бабьим грезам, а не к действительности» [19, с. 290]. За такое легкомыслие шеф жандармов поплатился жизнью.

В начале же XX века ситуация приобрела принципиально иной характер. Выбор жертв стал менее разборчивым, жандармы (зачастую нижние чины) становились мишенью для покушений еще и потому, что владели табельным оружием. В Центральном Черномозье, например, широкое распространение получил так называемый аграрный террор. Поздним июньским вечером 1906 г. толпа крестьян (около 10 человек, вооруженных дубинками) напали на унтер-офицера Воронежского ГЖУ Д. Юркина близ сл. Репьевки Коротоякского уезда. Нападение сопровождалось криками «Мы вас давно ждали!». По словам жандарма, кто-то из крестьян, находившихся сзади тарантаса, сильно ударил его дубинкой по правой руке, так что тот выронил револьвер на землю. Таким образом, добычей для разбойников стал 3-линейный «Наган» солдатского образца¹ [6, л. 114—115].

Когда-то начальник Петроградской охранки К. И. Глобачев начинал жандармскую службу, будучи молодым офицером, в Польше. В 1904 г. он занял руководящую должность в Белостокском охранном отделении. Его жена писала об этом периоде: «С приездом нашим в Белосток началась вся моя тревожная, мучительная жизнь, так как ни за один день я не могла поручиться, что мой муж не будет убит революционерами» [5, с. 227]. Не многим лучше была ситуация в другом польском городе — Лодзи, куда Глобачев был переведен в 1905 г. «Не проходило и дня, чтобы кого-нибудь не убили, — писала София Глобачева. — Когда няня с детьми выходила на прогулку, я ей строго приказывала не выходить сейчас же после мужа или его подчиненных и держаться вдали от встречаемых должностных лиц, в которых из-за угла могут бросить бомбу» [5, с. 229]. В Лодзи был убит один из помощников Глобачева.

Более ранний коллега К. И. Глобачева по руководству столичной охранкой — А. В. Герасимов (1905—1909) — отмечал в мемуарах, что все эти годы провел под угрозой покушения. А их было, по словам генерала, несколько. Эсеры-максималисты планировали взорвать здание охранного отделения (ОО) посредством груженной динамитом повозки, которая бы въехала во двор ОО под видом повозки с арестованными. В другом случае террористы завербовали одного из мелких служащих ОО. Поначалу узнали от него сведения о внутреннем распорядке учреждения, а затем подговорили убить начальника в служебном кабинете [3, с. 293]. Однако Герасимову повезло и ни один из планировавшихся терактов не был осуществлен. Пожалуй, наряду с сопутствовавшей удачей это свидетельствовало и о высоких профессиональных качествах жандармского штаб-офицера.

Покушения на жандармов даже тогда, когда они не приводили к убийству, самым тяжелым образом отражались на их ближайших родственниках. Так, супруга начальника

¹ Револьвер системы «Наган» образца 1895 г., в барабане которого помещалось 7 патронов, поставлялся в русскую армию двух видов: офицерского и солдатского. Офицер мог стрелять автоматически, унтер же после каждого произведенного выстрела должен был заново взводить курок. Ухудшению солдатский «Наган» подвергали сознательно: для экономии патронов.

Киевского ОО А. И. Спиридовича, на глазах которой террорист стрелял в ее мужа, сошла с ума. «Онемевшая от ужаса смотрела она, окруженная детьми, на происходившую за окном драму, — напишет в своих мемуарах Спиридович. — Пережитое ею тогда потрясение было так велико и ужасно, что она заболела тяжелой психической болезнью, от которой ей не суждено было оправиться... А дети... потеряли самое лучшее, самое дорогое, что есть на свете, чего никто и никогда не может заменить, — потеряли мать» [25, с. 206].

Супруга начальника Киевского ГЖУ В. Д. Новицкого после совершенного в мае 1903 г. покушения «впала в нервный припадок» и «не владела в течение двух суток языком».

Унтер-офицер Бердянского отделения Екатеринбургского жандармско-полицейского управления железных дорог (ЖПУ ж.д.) Н. Ефремов ходатайствовал перед начальством о помещении своего 7-летнего сына Николая в приют для детей-идиотов и эпилептиков. Мальчик страдал слабоумием в такой степени, что без постоянного за ним надзора представлял опасность для прочих членов семьи. Болезнь он получил от испуга при взрыве брошенной злоумышленниками в квартиру унтера Ефремова бомбы в ночь с 23 на 24 сентября 1907 г. Испуг, по словам отца, вызвал «сильный треск оконного стекла, осыпавшего его осколками». Бомба была вброшена через окно на постель [9, л. 3, 11].

Убийства жандармов в годы Первой революции совершались с холодным расчетом и циничной жестокостью. А. Белый писал о своем революционном герое в 1906 г.: «Не дрогнет он. Безумный взгляд / Его лицо не перекосит, / Когда свой яростный снаряд / Жандарму под ноги он бросит» [18, с. 53]. Убивали из чувства мести, по идеологическим соображениям (как верных слуг самодержавия) или во время экспроприаций. В годы революции даже любовные отношения оказались чрезмерно политизированы. К. Чуковский предложил собственный оригинальный вариант классической шекспировской истории: «Он был с.-д., она с.-р. / И к ним жандармский офицер / Явился. / Он посадил его в тюрьму, / Он посадил ее в тюрьму / И скрылся» [18, с. 48]. Вообще в то время казалось, что террорист стал самым модным литературным персонажем. Что и говорить, если даже такие популярные развлечения, как бега и скачки, совершенно благонадежные с политической точки зрения, в 1906—1907 гг. оказались насквозь пропитаны политикой. Публика на ипподромах делала ставки на лошадей с именами «Бомба», «Террор», «Радикал», «Провокатор» и пр. [18, с. 62].

Террористов не смущало присутствие рядом со своей жертвой детей или супругов. Убивали и их. Так, 20 июля 1906 г. вместе с сыном при переезде на дачу около станции Отвоцк в Варшавской губернии был убит помощник Варшавского генерал-губернатора по полицейской части, числившийся в ОКЖ, генерал-майор А. Н. Маркграфский [10, л. 85].

16 июня 1906 г. в 22.30 унтер-офицер Одесского ЖПУ ж.д. Степан Ефимов, возвращаясь в квартиру вместе с 4-летней дочерью со ст. Одесса-Товарная, где состоял старшим, недалеко от своей квартиры в г. Одессе был настигнут уволенными за неблагонадежность из Одесских главных железнодорожных мастерских двумя рабочими, которые произвели в Ефимова и его дочь 15 выстрелов. Доставленные в больницу жандарм и его дочь от полученных ран скончались [10, л. 132].

В ночь на 10 июня 1906 г. при возвращении домой был убит помощник начальника Таврического ГЖУ в Керчи ротмистр И. В. Шереметов. В ходе нападения ранения получила супруга, которая спустя 12 часов скончалась. Злоумышленников было 5—6 человек. Они поджидали свою жертву, так как «замочная скважина двери квартиры Шереметова оказалась заделанной» [10, л. 129].

Убийство жандармов происходило в общественном транспорте, в частности в электрическом трамвае. Поздним вечером 24 августа 1906 г. в Севастополе был убит в вагоне трамвая из револьвера начальник Севастопольского отделения Харьковского ЖПУ ж.д. подполковник А. К. Раголет. Он возвращался со ст. Севастополь Южных ж.д. на служебную квартиру [10, л. 167]. 25 февраля 1908 г. также в вагоне трамвая был убит тремя пулями в голову помощник начальника Тифлисского ГЖУ ротмистр В. А. Рунич [10, л. 169].

По данным делопроизводственной документации штаба ОКЖ, за 1905—1907 гг. ранения в ходе терактов получили 106 жандармов (19 офицеров и 87 нижних чинов) [10, л. 244], а за 1905—1908 гг. злоумышленники убили 178 жандармов (26 офицеров и 152 нижних чина) [10, л. 1—9 об., 10—12]. Это было настоящее испытание революцией.

По мнению Ю. Ф. Овченко, террористические акты, совершавшиеся в годы Первой революции, «внешне эффективные и грозные, в какой-то степени усиливали кризис верхов, однако в значительной мере они не ускоряли, а тормозили революционное движение, отвлекая массы от политической борьбы и обрекая их тем самым на пассивность» [20, с. 260].

Сложилась практика награждения жандармов, раненных в ходе терактов, орденами и даже чинами. С ней, правда, соглашались далеко не все. А. П. Мартынов, например, называл ее странной, так как, с его точки зрения, каждое успешно осуществленное террористическое выступление следовало бы рассматривать как недосмотр, незнание и недостаточную осведомленность розыскного офицера. «Казалось бы, в таких случаях разрешение более или менее длительного отпуска для поправления здоровья, денежное вознаграждение на лечение ранения более соответствовали положению дела» [17, с. 365].

Командир ОКЖ в 1913—1915 гг., генерал нежандармского происхождения В. Ф. Джунковский, личность, воспринимаемая подавляющим большинством служащих за осуществленные им мероприятия весьма критически¹ (ликвидация почти всех охранных отделений, а также секретной агентуры в армии и средних учебных заведениях), негативно относился к переодеванию своих подчиненных в гражданское платье. 23 июня 1913 г. за его подписью был опубликован приказ, грозивший любителям вицмундиров и сюртуков увольнением: «За время командования моего Корпусом жандармов мне не раз приходилось встречать гг. офицеров Корпуса, служащих в охранных отделениях, в статском платье, даже когда это совершенно не вызывалось необходимостью. Допуская ношение такого платья лишь в исключительных случаях, предупреждаю, что во всех остальных случаях ношение статского платья я признаю недопустимым и замеченные в этом должны будут оставить службу в Корпусе жандармов» [8, л. 7].

Подобные распоряжения следовали и в дальнейшем, уже в годы мировой войны. По мнению жандармского начальства, ношение партикулярного платья и появление в нем в общественных местах оказывает вредное воздействие на офицеров и нижних чинов. В частности, у последних «неизбежно подрывает дисциплину и способствует распространению среди них распушенности» [8, л. 9].

К тому же во многом через призму отношения к мундиру прослеживалось отношение и к службе как таковой. Грешили переменой формы одежды, в том числе преследуя личные цели, пожалуй, во многих губернских и уездных городах необъятной России. Так, в первой половине 1914 г. старший унтер-офицер Новочеркасского отделения Воронежского ЖПУ ж.д. Тихон Благородов, служивший на станции Ростов, позволил себе носить

¹ В частности, А. И. Спиридович, видный жандармский генерал, историк революционного движения и начальник дворцовой охраны обвинил в своих мемуарах В. Ф. Джунковского в том, что тот «не разбирался в службе Корпуса [жандармов] и ненавидел ее в душе», а также в целом посетует на несоответствие руководства занимаемым должностям: «Корпусу жандармов последнего царствования не хватало своего современного графа Бенкендорфа» [25, с. 116—117].

штатское платье не только в свободное от службы время, но и при исполнении обязанностей. Подобную дерзость он объяснял следующими мотивами: «для проверки несения службы железнодорожными стражниками и для наблюдения за агентами дороги». В мае 1914 г. вахмистр Воробьев застал унтер-офицера Благородова в дежурной комнате жандармов одетым в пиджак, жилет, в котелке и с тросточкой. Причем нижний чин доложил, что в такой одежде он ходит «за советом к доктору в еврейскую больницу, так как врач более внимателен к штатским, чем к жандармам». В последовавшем вскоре приказе по Управлению начальника ВЖПУ ж.д. говорилось, что унтер Благородов, прослуживший в Корпусе жандармов 15 лет, не мог не знать, что «жандармы всегда и везде должны быть в форменной одежде и лишь по распоряжению своего прямого начальства, в особых случаях, могут быть переодеты в штатское платье». Также, по словам Деболи, унтер обязан был обратиться за советом к железнодорожному врачу, а не ходить в еврейскую больницу. Итогом стало увольнение Благородова в дисциплинарном порядке [7, л. 49].

Вышеприведенный пример доводы В. Ф. Джунковского, в искренности которых не приходится сомневаться, делает вполне убедительными. Однако достойной внимания следует признать и другую сторону правды. Наибольшая востребованность в гражданской одежде была у начальников и сотрудников охранных отделений, возглавлявших борьбу с революционным движением: они не носили жандармского мундира для пользы службы и в интересах личной безопасности. Мастером конспирации по праву может считаться А. В. Герасимов — начальник Харьковского (1902—1905) и Петербургского (1905—1909) охранных отделений. «Успешность моей работы во многом зависела от того, что меня никто из революционеров не знал в лицо. Именно поэтому я никогда и нигде не появлялся публично» [3, с. 251], — заключал жандармский генерал. В толпе, в разгар уличного движения (особенно в крупном городе), жандарм в штатском уподоблялся обывателю. Однажды Герасимов выступал экспертом по истории революционного движения на суде. При этом смог добиться выездного заседания, которое состоялось в старом здании ОО на Мойке, 12. К тому же с помощью грима несколько изменил свою внешность. Герасимову в целом была присуща инкогнитость. Быть может, благодаря ей, а также приятельским отношениям с Азефом он смог уберечь себя от покушений. По соображениям безопасности жандарм не жил на казенной квартире при ОО. «В 1906—1907 гг. я жил на Итальянской улице, 15, где снимал две меблированные комнаты с отдельным входом у вдовы, владелицы прачечного заведения, — писал в мемуарах Герасимов. — Своей квартирной хозяйке я назвался коммивояжером, чтобы легче было объяснить свой нерегулярный образ жизни и частые отлучки на один-два дня. Конечно, жил я здесь не под своим именем. <...> На Итальянской я прописался под именем Левского» [3, с. 289—290].

Коллега А. В. Герасимова по розыскному делу — А. П. Мартынов, стоявший во главе провинциального охранного отделения в среднем Поволжье (1906—1912), отмечал в мемуарах: «За мою шестилетнюю розыскную службу в Саратове меня знали в лицо только те, кому я не мешал это знать» [17, с. 114]. Для соблюдения инкогнитости в губернском городе потребовалось «отрешиться от многого, замкнуться в сравнительно узком кругу и вести строго обдуманый и осторожный образ жизни» [17, с. 115].

Во время командования ОКЖ генерал В. Ф. Джунковский одной из главных задач своей деятельности считал поднятие престижа жандармского мундира. Прежде всего своим личным примером. В его мемуарах подробно описан первый официальный визит на заседание Государственной думы 15 февраля 1913 г. Тогда более 70-ти парламентариев обратились с запросом к председателю Совета министров и министру внутренних дел по поводу произведенного жандармскими и полицейскими чинами обыска в квартире члена Думы Г. И. Петровского, нарушившими тем самым его депутатскую неприкосно-

венность. «Не без волнения я ехал в Думу, — вспоминал Джунковский, — где занимаемая мною должность вообще была не в особенном почёте...» [11, с. 137]. Появление в Думе Джунковского, облачённого в жандармский мундир, произвело среди депутатов сенсацию и, по словам командующего ОКЖ, способствовало благоприятному впечатлению. «До этого Дума в своих стенах не видала жандармского мундира, так как все мои предшественники, — писал Джунковский, — когда ездили в Думу, всегда одевали другой мундир, “дабы не дразнить Думу”, как они выражались» [11, с. 138].

Подобного отношения к мундиру Джунковский добивался и от других. «Некоторые генералы, — писал он в своих воспоминаниях, — не занимавшие должности начальников управлений и числившиеся в Корпусе жандармов, вопреки правилам о форме одежды носили не жандармский мундир, а общегенеральский, в котором повсюду и появлялись, из чего можно было вывести заключение, что они стыдятся носить присвоенный им мундир <...> Меня всегда поражал в людях этот ложный стыд, и я не мог понять, — продолжал Джунковский, — как люди, которых никто ведь не заставлял идти на службу в Корпус жандармов, в то же время как бы стыдились этого» [11, с. 219]. К большому неудовольствию жандармских генералов под давлением командующего Корпусом им пришлось облачиться в жандармские мундиры.

С наступлением в России революционного 1917 г. весь тот ступок негатива, сдерживаемый ранее законами монархического государства, вылился на жандармов и полицейских. К. И. Глобачев, бывший по долгу службы свидетелем происходивших в первые дни после крушения монархии в Петрограде событий, в своих мемуарах описывал страшные подробности совершавшихся зверств. «Толпа, ворвавшаяся в губернское жандармское управление, жестоко избила начальника генерал-лейтенанта Волкова, сломала ему ногу, после чего потащила к Керенскому в Государственную думу. Увидав израненного и обезображенного Волкова, Керенский заверил его, что он будет находиться в полной безопасности, но в Думе его не оставил и не отправил в госпиталь... а приказал отвести его в одно из временных мест заключений, где в ту же ночь пьяный начальник караула его застрелил. Строевых офицеров, особенно в старших чинах, арестовывали на улицах и избивали» [4, с. 130].

Отношение к мундиру в рядах Отдельного корпуса жандармов было полностью позаимствовано из армейской среды, где форма — вопрос чести для его носителя и престижа ведомства, в котором он служил. Более того, служба в жандармерии считалась личной по отношению к Государю, почему мундиром его носители очень гордились. Однако обстоятельства общественно-политической жизни страны начала века резко изменили это представление. Если в XIX в. ношение жандармами гражданского платья неприемлемо, то в XX в. это становится нормой. В целях успешного ведения политического розыска и сохранения жизни (особенно в канун и во время революции 1905—1907 гг.) многие жандармы предпочитали гражданское платье как в повседневно-бытовой обстановке, так и при исполнении служебных обязанностей. Реалии розыскной работы расходились со взглядами жандармского руководства на форменную одежду. Но при определенных условиях оно все же проявляло гибкость, в остальных случаях — боролось со злостными нарушителями и увольняло их из своих рядов. Мундир (или в широком смысле форма) — неотъемлемая часть образа российского жандарма, однако в подавляющем большинстве случаев перемена одежды происходила не столько по личному умыслу, сколько по служебной необходимости.

Список использованных источников и литературы

1. Алексушин Г., Панов А. Жандармерия Российской империи // Рейтар: Военно-исторический журнал. 2007. № 38 (5). С. 71—72.

2. Белый А. В вагоне // Белый А. Собрание стихотворений, 1914. Репринт. изд. / подгот. изд. А. В. Лавров. М. : Наука, 1997. 456 с.
3. Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 141—342.
4. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с.
5. Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с.
6. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. И-1. Оп. 2. Д. 274.
7. ГАВО. Ф. И-213. Оп. 1. Д. 1.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 110. Оп. 3. Д. 3843а.
9. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3269.
10. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 14636.
11. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. М. : Изд-во Сабашниковых, 1997. Т. 2. 685 с.
12. Короленко В. Г. История моего современника. Кн. 2 // Короленко В. Г. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4. Л. : Художественная литература, 1990. 656 с.
13. Кошко А. Ф. Начальник охранного отделения // Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России: Воспоминания бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском империи. Париж, 1926.
14. Лаврёнова А. М. Синий мундир в зеркале Венеры: взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 31—53.
15. Лермонтов М. Ю. Прощай, немытая Россия... // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 10 т. М. : Воскресенье, 2000. Т. 2.
16. Макарова Н. В. Особенности формирования жандармского корпуса в России // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 52—55.
17. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска : в 2 т. М. : Новое литературное обозрение, 2004. Т. 1. С. 29—408.
18. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М. : Новое литературное обозрение, 2009. 208 с.
19. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма // За кулисами политики. М. : Фонд Сергея Дубова, 2001. С. 255—384.
20. Овченко Ю. Ф. Безопасность империи (Политический розыск — средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880—1917 гг.). М. : Техинформ, 2012. 370 с.
21. Парад 6-го декабря 1901 г. в Высочайшем присутствии и пребывание в С.-Петербурге жандармских унтер-офицеров, вызванных для участия в параде. СПб., 1902 // ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 3907.
22. Перегудов А. В. Санаторий Отдельного корпуса жандармов: необходимость учреждения и опыт функционирования // История: факты и символы. 2016. № 3 (8). С. 17—28.
23. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880—1917). 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2013. 519 с.
24. Порох В. И., Рослякова О. Б. III Отделение при Николае I. Саратов : Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2010. 238 с.
25. Спиридович А. И. Падение царского режима // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 15. С. 85—206.
26. Шаламов А. Ю. Российский «фараон»: сыскальная полиция Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. М. : Принципиум, 2013. 304 с.
27. Шинджикашвили Д. И. Сыскальная полиция царской России в период империализма. Омск : [Омская высшая школа милиции], 1973. 67 с.
28. Шубинский В. И. Азеф. М. : Молодая гвардия, 2016. 352 с.
29. Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы / вступ. ст. Т. К. Мищенко. М. : Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 459 с.

Поступила в редакцию 07.06.2017

Перегудов Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный университет
Российская Федерация, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: peregydoff@mail.ru

UDC 94(47).083:351.746.1

A. V. Peregudov**The evolution of ideas about uniform among the ranks of the gendarmerie**

The article analyzes the ideas of employees of the Russian political police about uniform. The attitude of the gendarmes to the uniform as to the attribute of the officer's honor was acquired from the army environment. The paper identifies the historical factors that influenced the evolution of these ideas. The development of the revolutionary movement in late XIX — early XX century led to the creation of a new investigative system in which most gendarmes had to play other roles, having turned from the officials monitoring the population to the masters of manhunt. To preserve their own life, as well as agents from failure, the gendarmes increasingly preferred to use civilian clothing.

Key words: policeman, uniform, revolution, terror, the Russian Empire.

Peregudov Aleksandr Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Voronezh State University
Russian Federation, 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
E-mail: peregudoff@mail.ru

References

1. Aleksushin G., Panov A. Zhandarmeriya Rossiiskoi imperii [Gendarmerie of the Russian Empire]. *Reitar: Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2007, no. 38 (5), pp. 71—72. (In Russian)
2. Belyi A. V vagone [In the carriage]. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems], 1914. Reprint., podgot. izd. A. V. Lavrov. Moscow, Nauka Publ., 1997. 456 p. (In Russian)
3. Gerasimov A. V. Na lezvii s terroristami [On the blade with terrorists]. *“Okhranka”: Vospominaniya rukovoditelei politicheskogo syska: v 2 t.* [“Okhranka”: Memoirs of the leaders of the political investigation: in 2 vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. Vol. 2, pp. 141—342. (In Russian)
4. Globachev K. I. *Pravda o russkoi revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The truth about the Russian revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd security department]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 519 p. (In Russian)
5. Globacheva S. N. *Prelyudiya proiskhodyashchikh v mire sobytii* [Prelude to the events taking place in the world]. Globachev K. I. *Pravda o russkoi revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former chief of the Petrograd Security Department]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 519 p. (In Russian)
6. *Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti* [State Archives of the Voronezh Region] (GAVO). F. I-1. Op. 2. D. 274. L. 114—115.
7. GAVO. F. I-213. Op. 1. D. 1.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archives of the Russian Federation] (GARF). F. 110. Op. 3. D. 3843a.
9. GARF. F. 110. Op. 3. D. 3269.
10. GARF. F. 110. Op. 2. D. 14636.
11. Dzhunkovskii V. F. *Vospominaniya: v 2 t.* [Memories: in 2 vols]. Moscow, Sabashnikovykh Publ., 1997. Vol. 2. 685 p. (In Russian)
12. Korolenko V. G. *Istoriya moego sovremennika. Kn. 2.* [The history of my contemporary. Book 2]. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 4. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 656 p. (In Russian)
13. Koshko A. F. *Nachal'nik okhrannogo otdeleniya* [Head of the security department]. *Ocherki ugolovnoy mira tsarskoi Rossii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Moskovskoi sysknoi polititsii i zaveduyushchego vsem ugolovnym rozyskom imperii* [Essays on the criminal world of tsarist Russia: Memoirs of the former chief of the Moscow detective police and head of the entire criminal investigation of the empire]. Parizh, 1926. (In Russian)
14. Lavrenova A. M. *Sinii mundir v zerkale Venery: vzaimovliyaniye lichnoi zhizni i sluzhebnoi kar'ery chinov Otdel'nogo korpusa zhandarmov* [The blue uniform in the mirror of Venus: the mutual influence of the personal life and official career of the ranks of the Separate Corps of Gendarmes]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2 (44), pp. 31—53. (In Russian)

15. Lermontov M. Yu. Proshchai, nemytaya Rossiya... [Farewell, unwashed Russia...]. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t.* [Complete Works: in 10 vols]. Moscow, Voskresen'e, 2000. Vol. 2. (In Russian)
16. Makarova N. V. Osobennosti formirovaniya zhandarmskogo korpusa v Rossii [Features of the formation of the gendarme corps in Russia]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 2009, no. 3, pp. 52—55. (In Russian)
17. Martynov A. P. Moya sluzhba v Otdel'nom korpusе zhandarmov [My service in a separate corps of gendarmes]. *“Okhranka”: Vospominaniya rukovoditelei politicheskogo syska: v 2 t.* [“Okhranka”: Memoirs of the leaders of political investigation: in 2 vols]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. Vol. 1, pp. 29—408. (In Russian)
18. Mogil'ner M. *Mifologiya “podpol'nogo cheloveka”: radikal'nyi mikrokozsm v Rossii nachala XX v. kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of the “underground man”: a radical microcosm in Russia at the beginning of the 20th century as a subject of semiotic analysis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 208 p. (In Russian)
19. Novitskii V. D. Iz vospominanii zhandarma [From the memoirs of the gendarme]. *Za kulisami politiki* [Behind the scenes of politics]. Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 2001, pp. 255—384. (In Russian)
20. Ovchenko Yu. F. *Bezopasnost' imperii (Politicheskii rozysk — sredstvo obespecheniya bezopasnosti Rossiiskogo samoderzhaviya. 1880—1917 gg.)* [The security of the empire (political search is a means of ensuring the security of the Russian autocracy, 1880—1917)]. Moscow, Tekhinform Publ., 2012. 370 p. (In Russian)
21. *Parad 6-go dekabrya 1901 g. v Vysochaishem prisutstvii i prebyvanie v S.-Peterburge zhandarmskikh unter-ofitserov, vyzvannykh dlya uchastiya v parade* [The parade on December 6, 1901 in the High Presence and the stay in St. Petersburg of gendarme non-commissioned officers who were summoned to participate in the parade]. St. Petersburg, 1902. GARF. F. 110. Op. 3. D. 3907. (In Russian)
22. Peregudov A. V. Sanatorii Otdel'nogo korpusa zhandarmov: neobkhodimost' uchrezhdeniya i opyt funktsionirovaniya [Sanatorium of the Separate Corps of Gendarmes: The Need for Establishment and Experience of Functioning]. *Istoriya: fakty i simvoly*, 2016, no. 3 (8), pp. 17—28. (In Russian)
23. Peregudova Z. I. *Politicheskii sysk Rossii (1880—1917). 2-e izd.* [Political investigation of Russia (1880—1917). 2nd ed.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 519 p. (In Russian)
24. Porokh V. I., Roslyakova O. B. *III Otdelenie pri Nikolae I* [III Department under Nicholas I]. Saratov, Saratovskoi gos. akad. prava Publ., 2010. 238 p. (In Russian)
25. Spiridovich A. I. Padenie tsarskogo rezhima [The Fall of the Tsarist Regime]. *Arkhiv russkoi revolyutsii* [The Archive of the Russian Revolution]. Berlin, 1924, vol. 15, pp. 85—206. (In Russian)
26. Shalamov A. Yu. *Rossiiskii “faraon”: sysknaya politsiya Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [The Russian “pharaoh”: detective police of the Russian Empire in the second half of the XIX — beginning of the XX century]. Moscow, Printsipium Publ., 2013. 304 p. (In Russian)
27. Shindzhikashvili D. I. *Sysknaya politsiya tsarskoi Rossii v period imperializma* [Detective police of tsarist Russia in the period of imperialism]. Omsk, [Omskaya vysshaya shkola militsii] Publ., 1973. 67 p. (In Russian)
28. Shubinskii V. I. *Azef* [Azef]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 352 p. (In Russian)
29. Shchegolev P. E. *Okhranniki i avanturyisty. Sekretnye sotrudniki i provokatory* [Guards and adventurers. Secret employees and provokers]. Moscow, Gos. publ. ist. b-ka Rossii Publ., 2004. 459 p. (In Russian)